

2. описание «отцом истории» культовых сооружений и религиозных обрядов гелонов свидетельствует о том, что с его точки зрения последние были потомками эллинов;

3. сообщение Геродота о двуязычии гелонов, может быть, является еще одним свидетельством его «редакторской» работы с различными по происхождению источниками.

Е. Я. Рогов

ХЕРСОНЕС И ВАРВАРЫ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В IV В. ДО Н.Э.

Проблему взаимодействия херсонеситов с варварами юго-западного Крыма, а с образованием Херсонесского государства – и всего Крымского полуострова, нельзя назвать новой. Давно и устойчиво она привлекает внимание исследователей Херсонеса. Эпиграфические документы, найденные в процессе раскопок города, подкрепляемые сведениями античной литературной традиции, рисуют сложную картину отношений Херсонеса и местных варваров уже после образования Малой Скифии в Крыму – эти сведения относятся к III–I вв. до н.э. Что же касается более раннего времени, то здесь единственными реальными показателями отношений и связей жителей города и его варварского окружения, в отсутствие эпиграфических и литературных источников, остаются только данные археологии.

Речь прежде всего должна идти о находках импортных вещей на варварских поселениях юго-западного Крыма, которые, скорее всего, в силу географической близости, могли попасть туда через Херсонес, и наоборот, анализ варварских вещей, найденных на территории Херсонесского городища, а также традиций, которые не могут быть объяснены, интерпретированы в рамках греческого культурного поля.

Минимая простота задачи осложняется полным или почти полным отсутствием импортных античных вещей, по крайней мере до начала IV в. до н.э., в горном Крыму, что уже отмечалось многими исследователями.

Обломки импортных сосудов VI–V вв. до н.э. в юго-западном Крыму единичны¹, можно предположить, что они отражают какие-то эпизодические вялые контакты жителей раннего поселения на месте будущего Херсонеса с туземными племенами. Примечательно, что и на поселениях и в могильниках горного и предгорного Крыма ранний античный импорт полностью отсутствует. Картина постепенно меняется только в IV в. до н.э.²

¹ Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 211.

² Сенаторов С. Н. Каталог таврских памятников IV–III вв. до н.э. и греческого керамического импорта VI–II вв. до н.э. в горном и предгорном Крыму. (Рукопись хранится у

Судя по клеймам и обломкам амфор, уже в первой половине столетия в горный Крым начинает поступать в небольших количествах вино. Объем его поставок не идет ни в какое сравнение с теми объемами, какие направлялись в Скифию, однако центры-экспортеры представлены здесь все те же: Гераклея, Хиос, Фасос, Менда, Синопа, а после середины IV в. до н.э. и Херсонес. Иные категории импорта античной посуды встречаются значительно реже и только после середины IV в. до н.э. Этим, пожалуй, и ограничивается весь скучный репертуар импортных изделий, встречающихся на ближней к Херсонесу территории, заселенной варварами. Складывается впечатление, что последние медленно и с большим трудом втягивались в орбиту греко-варварских взаимоотношений.

Однако, как уже указывалось, у этой проблемы есть и вторая сторона – находки варварского облика на площади самого Херсонесского городища. К сожалению, с давних пор, точнее, начиная с 30-х годов, анализ материальных находок такого рода постоянно подменялся бесплодными попытками этнической атрибуции этих находок.

Найдки лепной керамики и каменных орудий в большом количестве, как отмечал Г. Д. Белов, встречаются «в самой нижней части культурного слоя, лежавшего непосредственно на материковой скале» на севере Херсонесского городища³. Это обстоятельство, а также интерпретация скорченных захоронений северного участка некрополя как принадлежавших таврам легли в основу утверждения о том, что Херсонес был основан на месте существовавшего до него таврского поселения, точнее, что «основание Херсонеса греками было по существу присоединением их к уже существовавшему туземному поселению»⁴.

Этим утверждением Херсонес вводился в круг северопричерноморских полисов, основанных на местах туземных поселений в строгом соответствии с эмпириальной теорией В. Д. Блаватского.

Последующая ревизия лепной керамики из раскопок Херсонеса показала, что, во-первых, количество ее, вопреки утверждениям, весьма невелико, и, во-вторых, что датируется она временем не ранее основания Херсонеса⁵. Заметим, что в этих работах речь шла о лощеной керамике с гребенчатым орнаментом второго позднего типа, выделенного О. Д. Дащевской⁶, которая безусловно связывается с культурой племен горного Крыма. Более ранней кизил-кобинской керамики с резным орнаментом в Херсонесе известно не было.

Лишь сравнительно недавно в процессе исследования северо-восточной части Херсонесского городища при разборке культурного слоя конца VI – первой половины V вв. до н.э. были найдены обломки лепных чернолощеных куб-

автора). С. Н. Сенаторов любезно ознакомил меня со своей работой, за что выражаю ему искреннюю признателность.

³ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Савелья О. Я. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса // КСИА. 1970. Вып. 124.

⁶ Дащевская О. Д. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА. 1963. № 4. С. 205 сл.

ков, украшенных орнаментом первого типа⁷, который известен на лепной посуде VI в. до н.э. из других греческих городов⁸. Как бы там ни было, но, несомненно что в это раннее время община эллинов на берегу Карантинной бухты так же, как и большая часть других северопричерноморских эллинских общин, не была закрытой по отношению к местному варварскому населению.

Известно, что памятники степных скіфов проникают в междуречье Альмы и Качи еще в конце VI–V вв. до н.э.⁹. Однако обломки посуды степных типов появляются в Херсонесе только в первой половине IV в. до н.э. Редко, но все же встречаются обломки подобной посуды и в более позднее время при раскопках самого Херсонесского городища, в редких случаях они входили в состав погребального инвентаря захоронений некрополя¹⁰. Однако, в целом количество обломков как сосудов чернолощенных с гребенчатым орнаментом, так и посуды степного скіфского облика чрезвычайно мало по отношению ко всем остальным категориям керамических сосудов. Подчеркнем особо, что в IV в. до н.э. лепная посуда представлена не только чернолощеными сосудами, но и образцами посуды скіфского облика, точно так же, как и на варварских поселениях вблизи Херсонеса.

Теоретически можно допускать, что варварский компонент был выше на Гераклейском полуострове, где варвары могли быть заняты обработкой наделов граждан и где в керамическом комплексе это должно было найти более четкое отражение. Однако и здесь керамический комплекс оказывается адекватным городскому. Судя по данным раскопок, особенно широко проводившихся в 70–80-е годы, лепная керамика составляет вместе с кухонной всего около 4%¹¹, а в действительности, учитывая, что она считалась вместе с кухонной, процент ее еще ниже. Для сопоставления приведем данные по керамическому комплексу зданий поселка У7 на хоре Херсонеса в северо-западном Крыму этого же времени. Здесь лепная керамика в керамическом комплексе составляет от 40% до 52%, на сельских поселениях хоры Ольвии – от 20 до 40% без учета амфор¹².

Если же сравнивать долю лепной керамики в керамическом комплексе Херсонеса, Ольвии и Березани (в двух последних она составляет от 4 до 14% без учета амфор), то становится совершенно ясно, что как в Херсонесе, так и на его ближайшей окрестности доля лепной керамики была столь незначительной, что

⁷ Сенаторов С. Н. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988. С. 100.

⁸ Кастанян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. С. 12–19; Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. Л., 1988. С. 87, 88.

⁹ Ольховский В. С. О населении Крыма в скіфское время // СА. 1982. № 4. С. 76.

¹⁰ Нам известны только 2 могилы, в состав погребального инвентаря которых входили лепные сосуды – №№ 2348 и 7/1936, оба сосуда скіфского степного типа.

¹¹ Данные взяты из отчетов Гераклейской экспедиции Херсонесского заповедника, хранящихся в его архиве.

¹² Данные взяты из отчетов Тарханкутской и Нижнебугской экспедиций ИИМК РАН, хранящихся в архиве ИИМК РАН.

вряд ли может рассматриваться как серьезное свидетельство наличия в составе населения города сколько-нибудь существенного варварского компонента.

Наше заключение резко контрастирует со все еще бытующим мнением о присутствии в среде городского населения достаточно представительной прослойки варваров. В значительной степени эти представления опираются на материалы северного участка Херсонесского некрополя.

Г. Д. Белов – автор раскопок этого участка, – относил открытые здесь скорченные захоронения к погребениям тавров, а вытянутые – к погребениям греков и считал, что «местное население ... пользовалось в начальную пору существования города равноправным положением», поскольку оба вида погребений находились на одном кладбище¹³. На первый взгляд, вывод абсолютно логичен и единственно возможен, если исходить из указанных посылок, поскольку никаких данных для иной интерпретации различного положения костяков (скажем, об имущественном или социальном неравенстве) материалы некрополя не дают.

Варварскими, но не таврскими (в отличие от Г. Д. Белова), а скифскими предлагала считать скорченные кости С. И. Капошина¹⁴. Однако с нею не согласился автор раскопок некрополя¹⁵, а вместе с ним и большинство исследователей¹⁶, которые вслед за Г. Д. Беловым считали скорченные погребения северного участка Херсонесского некрополя таврскими. С. Ф. Стржелецкий, проводивший работы на некрополе в 1945 г., пришел к заключению, что весь этот участок является таврским¹⁷.

В противоположность этой точке зрения получила распространение иная, впервые высказанная В. В. Лапиным¹⁸ и поддержанная В. И. Кадеевым¹⁹, которые выступили с критикой таврской принадлежности скорченных погребений. Они попытались интерпретировать эту группу захоронений как захоронения греков, что нашло поддержку со стороны некоторых ученых²⁰.

Попытку перенести решение проблемы в социальную плоскость предпринял В. Д. Блаватский, который считал скорченные захоронения погребениями рабов, правда, тавров²¹. Близкую позицию в последние годы занимает В. М. Зубарь. Судя

¹³ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. Севастополь, 1938. С. 192; его же. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1981. № 3. С. 178.

¹⁴ Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. 1941. VII. С. 172.

¹⁵ Белов Г. Д. Херсонес Таврический... С. 32. Прим. 1.

¹⁶ Тюменев А. И. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры // ВДИ. 1949. № 4; Пятышева Н. В. Таманский саркофаг. М., 1949; Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСПАЭ. М., 1959.

¹⁷ Стржелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя // ХС. Симферополь, 1948. Вып. IV. С. 95.

¹⁸ Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 212 сл.

¹⁹ Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя // ВДИ. 1973. № 4. С. 108 и сл.

²⁰ Козуб Ю. И. Некрополи Ольвии V–IV ст. до н.э. Київ, 1974. С. 21; Саприкін С. Ю. Геракл Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 65.

²¹ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 163.

по всему, прияя к выводу о невозможности однозначной атрибуции захоронений северного участка некрополя, этот исследователь считает, что скорченность после смерти является показателем зависимости человека при жизни и склоняется к мысли, что погребенные в таком положении были домашними рабами и хоронились вместе со своими хозяевами²².

Не останавливаясь подробно на критическом разборе всех изложенных выше позиций, трудно все же удержаться от одного замечания по поводу последней. Если принять эту трактовку, то окажется что во всем Северном Причерноморье домашние рабы были исключительно в Херсонесе. А поскольку, по заключению автора, скорченные захоронения рабов сопровождаются вытянутые захоронения хозяев, то, надо полагать, наличие в доме домашних рабов автоматически должно было определять место захоронения их хозяев, и именно на северном городском кладбище.

Подводя итог краткой истории исследования вопроса о скорченных захоронениях северного участка херсонесского некрополя, необходимо констатировать следующее: решение его с самого начала получило совершенно неоправданный крен в сторону выяснения этноса погребенных. Споры об этносе погребенных как в вытянутом, так и в скорченном положении все больше приобретают схоластический характер, напоминая спор Остапа Бендера с ксендзами в известном романе И. Ильфа и Е. Петрова, что со всей очевидностью свидетельствует о том, что в такой постановке вопроса и в рамках тех знаний, которыми мы располагаем, проблема решения не имеет.

Наше заключение основывается также и на том, что все высказанные по этой проблеме точки зрения опираются на одну и ту же сумму фактов, причем без детальной и глубокой их проработки.

Чтобы приблизиться к пониманию характера северного участка некрополя Херсонеса в создавшейся ситуации, необходимо прежде всего вернуться к анализу самого исходного материала – погребений и сопровождающего их инвентаря, сопоставить его со всеми участками городского некрополя этого времени, устранив при этом наметившуюся тенденцию, формирования представлений о всем городском некрополе на материалах лишь одного из участков²³.

Как известно, массовые захоронения на северном берегу херсонесского города были обнаружены Г. Д. Беловым в 1935–1936 гг. в процессе исследования эллинистических и средневековых кварталов города. Отдельные находки, связанные с некрополем, а также и сами погребения попадались в этом районе и ранее²⁴.

Работы Г. Д. Белова и С. Ф. Стржелецкого в основном выявили границы участка с захоронениями: погребения располагались к западу от VIII поперечной улицы, наиболее высокая концентрация их отмечалась между VIII и X по-

²² Зубарь В. М. Еще раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении из некрополя Херсонеса IV в. до н.э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988. С. 52–54.

²³ Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я. Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 191.

²⁴ Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. Вып. XIII.

перечными улицами. Наряду с этим отмечается, что далеко к юго-западу погребения не распространяются²⁵. Всего за годы раскопок было открыто около 160 погребений.

В отличие от других участков Херсонесского некрополя, на северном берегу зафиксированы только простые грунтовые ямы для совершения погребений, очень редко борта ям облицовывались камнем. Ямы, как правило, впускались в насыпной культурный слой и иногда доводились до скалы, реже дно ям было заглублено в скалу. Поскольку большинство ям было впущено в культурный слой, размеры их проследить не удавалось, но, судя по нижним частям ям, заглубленных в скалу, они были обычных размеров. Важнее было бы проследить глубины ям, точнее уровни, с которых они были впущены, что дало бы возможность стратифицировать погребения, но из-за сильной нарушенности свиты культурных напластований это невозможно.

Необычным, что, собственно, и привело к многолетней дискуссии, является на этом участке положение костяков в могилах. Наряду с вытянутыми захоронениями в могилах довольно часто встречаются захоронения в скорченном положении, последние составляют по подсчетам исследователей около 40%²⁶.

Анализ отчетов и проверка описаний погребений по генеральному плану раскопок 1936 г., хранящемуся в ИИМК РАН, приводят к заключению, что в свое время Г. Д. Беловым, а вслед за ним и другими авторами в подсчеты необоснованно введена значительная группа погребений, положение костяков в которых не может быть истолковано однозначно. Это касается как скорченных, так и вытянутых погребений. Попытку определить некоторые погребения как предположительно скорченные или как «погребения с элементами скорченности» нельзя признать приемлемой. Совершенно не ясны и полностью субъективны основания для отнесения того или иного плохо сохранившегося погребения в определенный разряд, поскольку совершенно непонятно, чем же погребения с «elementами скорченности» отличаются от погребений с «elementами вытянутости». Для устранения путаницы все плохо сохранившиеся погребения должны быть отнесены к группе погребений с недостаточными данными и выведены из подсчетов. Результаты подсчетов показывают, что в процентном отношении скорченные погребения составляют только 23%, т.е. почти вдвое меньше, чем считалось ранее.

Г. Д. Беловым показано устойчивое преобладание ориентировки погребений восточного румба для всего северного участка. Этот вывод подтверждается полностью. Подтверждается и другой его вывод о близости ориентировки скорченных и вытянутых захоронений: доля погребений, ориентированных в восточном направлении, в первом случае составляет 72,5%, во втором – 84,2%. Полученная картина не должна заслонять небольших, но все же имеющихся различий. Так, количество костяков, ориентированных не в восточном направ-

²⁵ Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г. // МИА. 1953. Вып. 34. С. 33.

²⁶ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса... С. 199; Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я. Некрополь Херсонеса... С. 195.

лении, среди скорченных почти вдвое выше (27,1%), чем среди вытянутых захоронений (15,2%). Если не учитывать при этом детские амфорные захоронения, то соотношение получается еще более показательным – 27,1:9,9%, т.е. доля скорченных с не восточной ориентировкой превышает долю соответствующих вытянутых почти втрое. Это различие выражено вполне определенно и свидетельствует, думается, о меньшей устойчивости ориентировки именно скорченных захоронений.

Анализ погребального инвентаря показывает отсутствие серьезных различий как по количеству предметов, так и по их составу между погребениями, совершенными вытянуто, и погребениями скорченными. Всюду инвентарь одинаково беден. В отличие от других участков некрополя, на северном берегу в могилах совершенно отсутствуют лекифы и, хотя на других делянках городского кладбища эти сосуды для масла встречаются тоже не столь уж часто, полное их отсутствие здесь вызывает удивление. Для сравнения напомним, что в некрополе, например, Пантикея этого же времени было найдено более трех сотен лекифов. Отметим и еще одну деталь погребального инвентаря: в могилы на северном участке, как, впрочем, и во всем некрополе города, никогда не ставили амфор в качестве сопровождающего умерших инвентаря.

В первой публикации материалов некрополя Г. Д. Белов датировал северный участок концом V – первой половиной IV вв. до н.э.²⁷. Позднее, очевидно, под влиянием датировки С. Ф. Стржелецкого, предложившего для участка дату середина IV – начало III вв. до н.э.²⁸, он отодвинул верхнюю границу к концу IV в. до н.э.²⁹ Корректифик, внесенный Г. Д. Беловым, как видим, не коснулся нижней границы, хотя основания для пересмотра датировки имелись и в то время. В принципе, датировка Г. Д. Белова является общепризнанной, хотя и никогда не подвергалась проверке.

Анализ погребального инвентаря позволяет утверждать, что северный участок содержит два пласта погребений – ранний и поздний, причем погребения раннего пласта датируются еще первой половиной–серединой V в. до н.э., т.е. временем, предшествующим принятой дате основания дорийского Херсонеса. Не может быть никаких сомнений о связи ранних погребений с поселением, существовавшим на берегу Карантинной бухты до 422/421 г. до н.э.³⁰

Однако для нас сейчас гораздо важнее второй, поздний, пласт погребений, принадлежащий городу гераклеотов. Заметим сразу, что весь комплекс материалов из могил этого периода не выходит за пределы IV в. до н.э. При этом верхняя хронологическая граница надежно фиксируется жилой застройкой последней четверти–конца IV в. до н.э., именно в это время на площади бывшего некрополя начинают возводиться жилые кварталы.

До сих пор не уделялось должного внимания стратиграфии этого участка. Как известно, северный некрополь располагался в обширной низине, заполнен-

²⁷ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса... С. 194.

²⁸ Стржелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя ... С. 93.

²⁹ Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи ... С. 177.

³⁰ Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. 1993. Вып. 9. С. 140.

ной мусорными напластованиями. Г. Д. Белов не оставил подробного описания стратиграфии участка, но все же отмечал, что мусорный слой лежит на слое желтой надскальной материковой глины³¹. С. Ф. Стржелецкий выделил здесь три слоя: 1) желто-коричневая надскальная материковая глина; 2) слой угля и пепла, смешанный с землей; 3) собственно насыпь некрополя, состоящая из земли со значительным количеством черепков и камней³². Задача состоит в том, чтобы установить, с какого времени этот мусорный слой начал накапливаться. По своей структуре слой аморфный, содержит многочисленные перекопы и хронологически неоднородный материал от начала V в. до н.э. и до эпохи позднего средневековья. Таким образом, стратификации слой не поддается.

И все же, зная, что погребения на этом участке совершались еще в первой половине V в. до н.э., можно попытаться установить ту группу погребений, которая была впущена в грунт еще до того, как здесь стала образовываться мусорная свалка. Засыпь таких погребений не должна содержать мусорного слоя, т.е. они должны быть перекрыты слоем чистой глины.

Такие погребения были открыты в процессе раскопок и в 1936 и в 1937 гг. Г. Д. Белов в отчетах специально отметил, что ряд погребений был перекрыт чистой глиной со щебенкой без мусора³³. Всего таких могил зафиксировано 11, в шести из них вещей не содержалось, три – относятся к V в. до н.э.³⁴ и, наконец, еще в двух найдены вещи, датирующие эти могилы второй четвертью середины IV в. до н.э.³⁵

Из этого можно сделать вывод, что мусорная свалка стала накапливаться здесь не ранее второй четверти IV в. до н.э. Даже в том случае, если свалка представляет собой результат одноразового сброса или нескольких крупных сбросов мусора, то и в этом случае полученная нами дата близка к действительности.

Наш вывод весьма важен потому, что все без исключения скорченные захоронения были впущены в мусорный слой и ни одно подобное захоронение не относится к раннему пласту погребений. Это означает, что мы не только можем ограничить такие погребения узкими хронологическими рамками, но и утверждать, что сама традиция помещения в могилу умершего в скорченном положении появляется отнюдь не с самого начала существования города, т.е. с последней четверти V в. до н.э., а много позднее – не ранее второй четверти IV в. до н.э., а быть может и середины столетия.

Следовательно, эта традиция существует в городе не более 40–50 лет или приблизительно на протяжении жизни двух поколений. Нет никаких сомнений в том, что, по-видимому, не позже рубежа IV–III вв. до н.э. эта традиция пресекается. Исчезновение традиции можно объяснить либо естественной убылью группы населения, которой она была принадлежит, либо тем, что эта группа во

³¹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса... С. 24, 164.

³² Стржелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя.. С. 95 сл.

³³ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса... С. 165.

³⁴ Могилы 1/1937; 12/1937; 15/1937.

³⁵ Могилы 1/1936; 17/1937.

втором-третьем поколении ассирировалась, утратив при этом свои прежние погребальные традиции.

Судя по тому, что на протяжении по крайней мере двух поколений продолжает сохраняться традиция скорченных захоронений, можно думать, что появившаяся во второй четверти IV в. до н.э. новая группа населения некоторым образом обособляла себя от остальной массы жителей города, что выражалось прежде всего в своеобразии позы умерших. Можно даже допустить, что в какой-то мере она была замкнутой, быть может даже корпоративной, но вместе с тем и не изолированной полностью, поскольку хоронила своих умерших вместе с остальными горожанами на одном из древнейших участков городского некрополя.

Думается, что нет никаких препятствий вслед за Г. Д. Беловым рассматривать как скорченные, так и вытянутые захоронения на этом участке как захоронения равноправных свободных граждан города.

Наряду с захоронениями на северном берегу продолжали функционировать и другие одновременные участки городского некрополя, расположенные по периметру границ города. Сопоставив материалы северного участка с материалами других делянок городского кладбища, мы тем самым ответим на второй вопрос о своеобразии некрополя на северном берегу и своеобразии некрополя города в целом; а также на вопрос о том – в какой мере здесь представлены варварские материалы.

Наиболее близок к северному участку некрополь у монастырской оранжереи. Здесь в 1913 году Р. Х. Лепером был заложен небольшой треугольной формы раскоп между монастырским двором и оранжереей на монастырской усадьбе³⁶. Судя по суммарному описанию, было открыто несколько погребений, в том числе и три амфорных, которые находились за «стенами из прекрасно тесанных плит». Автором раскопок погребения отнесены к IV в. до н.э.

К сожалению, отсутствие подробной информации об этом интереснейшем участке не позволяет в должной мере выявить его особенности, между тем сам факт открытия могил в этом месте представляется чрезвычайно важным.

Далее к югу в районе городского театра, построенного в III в. до н.э., при исследовании северо-западной стороны его энфилеммы в слое, отнесенном ко времени, предшествующему строительству театра, была выявлена серия погребений, синхронных погребениям на северном берегу³⁷. Погребения располагались в древней балке, по склону которой со стороны города открыта оборонительная стена³⁸. Всего открыто восемь погребений³⁹, все они совершены в простых грунтовых ямах с бутовой обкладкой стен, некоторые могилы перекрыты выкладками из камня, что естественным образом предполагает наличие

³⁶ ОАК. 1913–1915. С. 60.

³⁷ Зедгенидзе А. А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 28.

³⁸ Домбровский О. И. Раскопки античного театру в Херсонесі // Археологія. 1957. Вып. 10.

³⁹ Ср.: Махнева О. А., Пуздовский А. Е. Погребения IV в. до н.э. на участке раскопок античного театра в Херсонесе // ХС. 1998. Вып. IX. С. 74.

под выкладками деревянного перекрытия. Погребения одиночные, вытянутые на спине, за исключением одного скорченного. Превалирует ориентировка восточного румба. Инвентарь в могилах, как и на северном участке, очень скромный: гуттусы, бусы, монеты, обломок светильника. Судя по инвентарю, участок датируется третьей четвертью IV в. до н.э. Надо заметить, что этот и северный участки весьма близки, они имеют больше черт сходства, чем различия.

Отсюда, из района будущего театра, некрополь продолжался скорее всего в юго-восточном и южном направлении. Несмотря на то, что по выражению К. К. Косцишко-Валюжинича, город захватил и уничтожил некрополь этого времени, остатки его все же фиксируются в районе 15 куртины главной оборонительной стены города. Прежде всего, имеется в виду семейная усыпальница 1517–1522, открытая в 1903 году, функционировавшая с конца V или с начала IV в. до н.э., а также несколько погребений третьей четверти–второй половины IV в. до н.э. Среди них есть как грунтовые могилы, обложенные камнем, так и черепичные могилы. Из шести могил, относящихся к интересующему нас времени, в двух захоронения совершены по обряду кремации. Сопровождающий инвентарь небогат, в могилы клали монеты, иногда по одному чернолаковому сосуду.

Погребения IV в. до н.э. имеются и на восточном участке некрополя, вытянутом вдоль Карантинной бухты от башни Зенона. Для захоронений эта местность стала использоваться с самого начала IV в. до н.э., если не с конца предыдущего столетия, но столь ранние погребения здесь редки. По тем или иным основаниям к IV в. до н.э. на восточном участке можно отнести около 70 погребений, чуть больше 20 из них синхронны второму пласту погребений северного некрополя, поскольку могут быть датированы серединой–третьей четвертью IV столетия. Подавляющее число захоронений совершено в простых грунтовых ямах, вытянуто на спине. Данные об ориентировке сохранились всего для восьми погребений, поэтому судить по столь незначительной выборке об этой детали погребального обряда крайне сложно, отметим лишь, что единобразия в ориентировке у этих погребений нет.

Что касается погребального инвентаря, то и на этом участке он чрезвычайно малочислен и весьма скромен. Обычно он ограничивается одним, двумя или тремя очень простыми и, надо полагать, очень дешевыми предметами, из которых наиболее часто встречаются простые или чернолаковые тарелки, килики или канфары, лекифы, из украшений – бусы, серьги, перстни, очень редко – лепные сосуды.

На первый взгляд может показаться, что различия между участками херсонесского некрополя проявляются главным образом в погребальном инвентаре. Действительно, большая часть могил северного участка, как мы помним, погребального инвентаря не содержала, в то время, как могилы на других участках, с которыми мы сравниваем северный, все же погребальный инвентарь содержат, пусть и очень скромный. Из этого вполне резонно может последовать вывод о более низком имущественном и, вероятно, социальном уровне погребенных на северном берегу. На самом деле все обстоит значительно сложнее. Как на южном участке, так и на восточном у Карантинной бухты в выборку включались только те могилы, которые содержали хоть какие-то вещи, по которым можно

было бы установить дату погребения. Таким образом и получилась выборка из могил, в которой безинвентарных погребений нет. Однако, на обоих участках таких погребений открыто очень много, но, поскольку захоронения здесь совершились и во все последующие эпохи жизни города, отнести эти безинвентарные погребения к какому-то определенному времени возможности нет. Весьма вероятно, что часть этих могил, и можно предполагать, немалая, относится и к рассматриваемому времени. Сказанное можно подтвердить убедительными примерами, когда могилы с хорошо датированными вещами перекрывают безинвентарные погребения.

Как видим, резких различий между участками херсонесского некрополя не выявляется. Разумеется, каждый из районов городского кладбища обладает определенным набором своеобразных черт, однако при этом черты сходства создают настолько яркое своеобразие некрополя в целом, что на этом стоит остановиться специально.

К их числу без всяких натяжек относится грунтовый характер городского кладбища. За все годы раскопок здесь не было открыто ни одной курганной насыпи, и это, надо полагать, не случайное явление. Отсутствие в Херсонесе традиции хоронить умерших под курганной насыпью не может быть объяснено ни отсутствием для этой цели благоприятных природных условий, ни тем, что эта традиция на всем протяжении истории города оставалась херсонеситам неизвестной. По крайней мере один пример того, что сооружение курганов здесь было возможно, у нас есть. В 1872 г. в 3-х верстах от Херсонеса у Стрелецкой бухты на земле полковника Шверина был раскопан курган высотой в 4 сажени. Насыпь кургана состояла из камня, в основании насыпь окружала крепида, состоящая из тесаных известняковых блоков, уложенных в два ряда, верхний ряд сложен из рустованных блоков. В 1908 г. курган был доследован Н. М. Печенкиным. Под насыпью кургана обнаружена бронзовая урна с пеплом, А. В. Орешников, обследовавший содержимое урны, не сомневался в погребальном характере сосуда, поскольку на дне его были обнаружены кальцинированные кости человека⁴⁰. По своему характеру, архитектуре, облику погребения, весь этот комплекс целиком находился в русле погребальных традиций причерноморских греков. Если мог быть сооружен Шверинский курган, следовательно, херсонеситы были близко знакомы с этой традицией и, следовательно, местные природные условия не были главным препятствием. Заметим попутно, что Шверинский курган был построен не вблизи города на городском кладбище, а в некотором от него удалении.

Нет сомнений в том, что невосприимчивость жителей города к влиянию не только варварского окружения, но и погребальной практики соседних греческих городов, где традиция захоронения в курганах получила устойчивое и повсеместное распространение, коренится в строгости погребальных норм, их консервативности, опиравшихся, скорее всего, на какие-то внутриполисные представления, быть может, даже оформленные законодательно.

⁴⁰ Письмо В. А. Орешникова Н. М. Печенкину от 8.XII.1908. Архив ИИМК РАН. Ф. 27. № 1. Л. 4.

На протяжении всего рассматриваемого времени, да пожалуй, и позднее представления жителей города в отношении сопровождающего погребального инвентаря почти не изменились. Многие погребения были безинвентарными, там, где инвентарь имелся, он представлен немногочисленными простыми и дешевыми вещами. В числе предметов погребального инвентаря отсутствуют вещи, связанные с варварским окружением города. Исключение составляют две могилы, в которых было найдено по одному лепному сосуду «скифского» облика. В одной из могил (7/1936) кроме лепного сосуда другого инвентаря не было, зато в могиле 2348 кроме лепного сосуда были поставлены чернолаковое блюдо и гуттус.

Как видим, ни лепная керамика, ни погребальные сооружения, ни погребальный обряд не позволяют сделать вывода о присутствии сколько-нибудь значительных групп варварского населения в городе, равно как и о наличии долговременных и устойчивых связей Херсонеса с варварским окружением.

Присутствие в Херсонесе значительных групп варваров обосновывалось также и наличием негреческих имен в просопографическом фонде города. «Имена херсонеситов негреческого происхождения ... свидетельствуют о том, что некоторые варвары могли входить в число правящей верхушки города»⁴¹. Наличие в клеймах таких имен как Σκύτας и Νάινι свидетельствует о том, что выходцы из туземной среды наряду с греками занимались в городе гончарным ремеслом и что некоторые из них могли занимать должности астиномов⁴². Сомнения в обоснованности подобных выводов возникали и ранее, но для доказательства их несостоенности необходимо было проанализировать весь просопографический фонд Херсонеса. Такая работа была проделана В. Ф. Столбовым. Им было проанализировано около 1000 антропономастических единиц, сохранившихся на монетах, керамических клеймах, в лапидарных надписях, граффити и др. В результате проделанного анализа выясняется, что число негреческих имен в городе в IV–III вв. до н.э. чрезвычайно мало. По языковой принадлежности они делятся на две группы: 1) группу малоазийских и предположительно малоазийских личных имен; 2) группу личных имен фракийского происхождения. Иранских имен, происхождение которых можно было бы связать со скифским языком, в Херсонесе IV–II вв. до н.э. не отмечено⁴³. Последний вывод весьма для нас важен.

Если считать, что лепная керамика, в принципе, отражает проникновение в греческие города низших слоев негреческого населения, а просопография –

⁴¹ Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV–II вв. до н.э. (по эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1966. Вып. 4. С. 168.

⁴² Борисова В. В. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса // ВДИ. 1949. № 3. С. 92.

⁴³ Столба В. Ф. Херсонес и скифы в V–II вв. до н.э.: проблемы взаимоотношений. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1991. С. 5.

проникновение представителей эллинизированной негреческой верхушки⁴⁴, то в отношении Херсонеса IV – первой трети III вв. до н.э. ответ получается одинаково отрицательный.

Рассматривая процесс и характер взаимодействия окружающих варварских племен и греческих гражданских коллективов в Северном Причерноморье, нельзя не отметить, что процесс проникновения варварских культурных элементов носит не дискретный, а перманентный характер. С самого начала жизни греческих апойкий – будь то Березанское поселение, Ольвия или города Боспора – везде наблюдается постоянная диффузия варварских компонентов в эллинские общины; происходит постоянная подпитка варварскими традициями культуры, остающейся в своей основе греческой. Малейшее изменение в способах орнаментации лепной керамики в степной части Северного Причерноморья сразу же или в течение очень короткого времени находит адекватное отражение в лепной посуде, происходящей из греческих городов. Изменение конструкции или появление новых типов погребальных сооружений на территории ближайшего варварского окружения влечет за собой немедленные изменения и в городских некрополях.

Приведенные примеры не единичны, этот ряд можно продолжать весьма долго, однако, и этих примеров, по-видимому, достаточно, чтобы констатировать: в Херсонесе эти тенденции проявляются очень слабо.

Все эти обстоятельства, которые мы рассмотрели выше, заставляют скептически относиться к возможности присутствия в среде жителей города значительных групп варварского населения. Необходимо признать также, что при отсутствии в материальной культуре города ясных и хорошо различимых проявлений варварской культуры, сама постановка вопроса о присутствии варварского населения в Херсонесе – лишается всякой опоры.

Очевидно, что какие-то отдельные выходцы из варварской среды в составе населения города могли присутствовать и присутствовали. Однако, либо в силу своей малочисленности, либо под влиянием каких-то иных причин, в Херсонесе не образовалось такой культурной «критической массы», которая могла бы серьезно восприниматься гражданским коллективом и приводить к заимствованиям хотя бы на уровне отдельных традиций. По-видимому, в городе не существовало субкультуры варваров, способной наложить отпечаток на культуру коренного населения города.

Наряду с этим, существует достаточно данных о том, что гражданский коллектив Херсонеса не был изолирован от контактов с ближними и дальними варварскими племенами. Хорошо известно место Херсонеса в экономике Северного Причерноморья – достаточно вспомнить, что поставки вина в Скифию из Херсонеса на рубеже IV–III вв. до н.э. достигали весьма солидных размеров. Надо полагать, что и город в обмен за вино получал интересующие его товары. Так что контакты, и весьма тесные, конечно же существовали, однако при этом

⁴⁴ Виноградов Ю. Г. Варвары в просопографии Ольвии VI–V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 137.

они не вели к проникновению в город иностранных культурных традиций и, по всей видимости, носителей таких традиций. Речь идет о специфическом, пожалуй, уникальном во всем Северном Причерноморье способе взаимодействия с варварским окружением, при котором влияние со стороны варваров на культуру горожан, если и не исключалось полностью, то сводилось до минимума. Быть может, и в этом проявляется особенность дорийской гражданской общины. Нельзя не вспомнить в связи с этим слова Плиния о Херсонесе, который, по его мнению, «был самым блестящим пунктом на всем этом пространстве благодаря сохранению греческих обычаяев» (Plin. NH. II. 85).

B. I. Кац

РЕВИЗИЯ ХРОНОЛОГИИ РАННИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ РОДОСА

В 1974 году вышла в свет статья В. Грейс – признанного специалиста в области греческой керамической эпиграфики – под многообещающим названием – «Ревизия ранней эллинистической хронологии»¹. Хотя работа посвящена исключительно пересмотру предложенных ранее абсолютных дат отдельных групп родосских клейменых амфор, само название статьи в значительной степени оправдано.

Дело в том, что В. Грейс до появления этой статьи при разработке хронологии ранних родосских оттисков их абсолютную датировку определяла главным образом по контексту афинской Агоры и привязала её к установленным ещё Г. Томпсоном двум этапам («A» и «B») раннеэллинистического периода жизни города². С каждым из этих этапов был увязан определённый набор вещественного (в первую очередь керамического) материала. Поэтому ревизия родосских клейм – одной из составляющих этого керамического комплекса – неизбежно должна была привести к пересмотру датировок всех остальных его элементов.

Появлению статьи В. Грейс предшествовал ряд поистине драматичных для хронологии родосских клейм событий. Работа по созданию последней была начата В. Грейс ещё в 30-е годы прошлого столетия и только к середине 50-х гг. она была завершена. Известные к тому времени родосские эпонимы, упомянутые в клеймах, были разделены по шести хронологическим группам³ и адаптированы, как отмечает сама В. Грейс, к хронологии клейм синопских астиномов, разработанной Б. Н. Граковым⁴. Последний уточнённый вариант этой системы,

¹ Grace V. Revision in Early Hellenistic Chronology // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Athenische Abteilung). 1974. Band. 89.

² Thompson H. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. III. 1934.

³ Grace V. Stamped Wine jar Fragments. Pnyx // Hesperia. Suppl. X. 1956. P. 140.

⁴ Grace V., Savvatianou-Pétropoulacou M. Les timbres amphoriques grecs // Exploration archéologique de Délos. Paris, 1970. Vol. XXVII. P. 286.